

Миротворчество и конфликты: изменение парадигмы в современных условиях

В. Джахангир

Конфликтология как одно из направлений политологии находится на стыке общественно-политической и военной науки, имеет определенную историю и значительную библиографию¹. Она включает в себя даже такие дисциплины, как культурная антропология и отраслевые разделы психологии. На наш взгляд, к наименее разработанным, но весьма важным направлениям необходимо отнести и национальную психологию, зачастую оказывающую решающее влияние на ход и исход не только локальных конфликтов, но и макрополитических процессов.

Основной массив работ по теории и практике конфликтов принадлежит ученым США и Израиля. В России, как ни странно, эта тематика разрабатывается еще недостаточно. Повышается внимание к конфликтологии в странах СНГ, которые на себе испытали все практические составляющие этой науки.

Конфликтология, помимо констатации и описания известных фактов и явлений, несет в себе большой прогностический потенциал. В этом смысле она обязана быть освобождена от популистского, идеологического налета, политической и социальной мифологии. Это — неотъемлемая часть настоящей большой политики со всем ее реализмом и цинизмом. Конфликтология не может не быть, вместе с тем, государственно ангажированной, так как никогда не станет «чистой наукой». Даже в России, где она еще только становится на ноги, в структуре МИД, МО, МЧС, Минсодружества, СВР и т. д. уже есть подразделения, занимающиеся региональными конфликтами.

Предельно проста поэтому и методология этой дисциплины. Для ее определения вполне подходит известная фраза одного из сподвижников Фридриха II: «В политике надо отказаться от тех отвлеченных идей, которые создают себе широкие массы, о справедливости и законности, умеренности, ис-

кренности и подобных им добродетелях наций и руководителей: все зависит от могущества».

Сам Фридрих II, продолжая эту тему в своем политическом завещании в 1752 году, сказал следующее: «Маккиавелли пишет, что бескорыстная держава, находящаяся среди корыстных держав, неизбежно должна погибнуть, мне это очень не нравится, но должен сознаться, что Маккиавелли прав».

В работах политологов, даже далеких от марксизма, «конфликт» и «миротворчество» рассматриваются с позиций диалектического единства обозначаемых явлений. Это предполагает целесообразность и даже необходимость односторонних либо многосторонних ответных действий в виде миротворческих операций. В их аргументацию закладываются гуманистические мотивы, под них ассигнуются материальные средства как по линии отдельно взятых стран, так и международных институтов.

Более того, миротворческие операции все шире и весомее прописываются в военных доктринах ведущих государств. Этой тематике посвящаются многочисленные учения, помогающие в том числе масштабировать постепенное втягивание новых участников в военно-политические группировки, в частности некоторых стран СНГ в НАТО, как, например, членов ГУАМ.

Однако более пристальное рассмотрение вопроса может выявить глубокие противоречия между этими явлениями, своего рода артефакт миротворчества, связанного, как правило, с политическими и иными интересами внешних сил, стоящих или встающих за вовлеченными в конфликт сторонами.

Говоря о природе современных локальных конфликтов, некоторые аналитики отмечают, что императивом нашей эпохи становится мощный пресс процесса роста национального самоосознания и потребности в этнической самоидентификации².

Он начался еще в период распада системы колониализма. Во время национально-освободительных антиколониальных войн термин «миротворческая операция» не существовал. Без какого-либо политического флера предпринимались масштабные, всеми доступными силами метрополий, акции вооруженного подавления восставших колоний. Так сформировался доминирующий сейчас в западном понимании миротворчества принцип «принуждения к миру».

Национализм и различные виды сепаратизма привели в последнее десятилетие XX века к распаду ряда полиэтнических государственных образований.

Распались СССР, Югославия, Чехословакия. Начинают рассыпаться Азербайджан, Грузия, Ангола, Афганистан. Не исключена такая перспектива и для самой России. Редчайшим примером неконфликтного решения проблемы стал культурный «развод» Словакии и Чехии.

Можно возразить: десятки, сотни лет тлеют, не доходя до крайних проявлений, конфликты в Канаде, Великобритании, Испании, Бельгии. Но там они сдерживаются высоким благосостоянием населения, рисковать которым не хочет никто.

Казалось бы, исключения — воссоединение Вьетнама, Китая и Гонконга — на деле являются обратной стороной той же медали. На очереди тяжелейшие национально-интеграционные процессы на Балканах, в Центральной Африке и Центральной Азии, на Кавказе, Среднем Востоке, в Корее и Тайване. Везде, где с умыслом либо по недомыслию была разрезана границами живая этническая плоть.

Крах биполярности, катастрофический разрыв по линии Север-Юг, конфронтация Запад-Восток в итоге привели к идее «золотого миллиарда», где не оказалось места пяти шестым населения Земли. Угроза монополярности уже приводит к битвам субрегиональных, региональных, вплоть до городских и районных, «суперсил», в которых кипит человеческая масса, ожидая разлива в какую-то новую всемирную матрицу.

Колонизаторы-англичане, исповедовавшие принцип «разделяй и властвуй», очевидно, подсказали В.И. Ленину неотвратимость «права наций на самоопределение» в наступающей эпохе. И.В. Сталин сделал все, чтобы для СССР этот период наступил позже, чем для других мировых держав. Он все равно провел границы так, что нынешняя Россия, играя на конфликтах, в том числе и в самой Грузии, еще какое-то время сможет продержаться в традиционных рамках своего геополитического поля, надеясь, что подъем экономики вновь превратит ее в центр естественной реинтеграции евразийского пространства.

Помимо основных, экономических, к конфликтогенным относятся национально-этнические, религиозные, исторические, географические, демографические, внешние и другие факторы. Как бы там ни было, все они объективны, глубоки, неоспоримы и могут найти свое разрешение лишь в ходе естественно-исторического процесса, а отнюдь не в результате «миротворчества».

Миротворческие операции, основанные на принципе «принуждения к миру», можно рассматривать как замаскированный вариант неоколониальных войн.

Как показала практика, сколько-нибудь эффективно купировать их кризисное развитие способна конкретная экономическая выгода от сохранения status-quo либо мощный внешний военно-политический прессинг. Все равно итогом может быть только паллиатив, чреватый зачастую непомерным бременем для самих миротворцев и неизбежным, отложенным по времени взрывом.

С учетом этого миротворческие операции, основанные на принципе «принуждения к миру», можно рассматривать как замаскированный вариант неоколониальных войн. В чистом виде он до сих пор был реализован в Гренаде, Омане, Кувейте, на Кипре. Лишь «досадная» для Запада позиция Москвы мешает сделать то же самое в бывшей Югославии.

Вместе с тем, «золотой миллиард», пока он полностью не сформировался, политически заинтересован в поощрении сепаратизма на территориях, лежащих за его пределами. Дробление делает мир легко управляемым. Как бы ни были богаты ведущие державы, их потенциала пока не хватает на роль «мирового жандарма». В этих условиях как компромисс между масштабом целей и уровнем возможностей появились такие формы внешнего воздействия на конфликты, как миротворческие и разграничительные операции, операции по поддержанию мира, посреднические и наблюдательные миссии, объединяемые термином «урегулирование».

Россия, к сожалению, сегодня не обладает экономическим и достаточным политическим потенциалом миротворчества. Ее уделом остаются неясные по перспективам операции по поддержанию мира, разграничительные миссии на пространстве СНГ, в Приднестровье, Абхазии, Таджикистане. Косвенно стабилизирующую роль играют российские военные базы в Армении, Грузии. Все они действуют в рамках мандатов, аналогичных имеющимся у миссий ООН, ОБСЕ. Их целью является защита суверенных государств СНГ от внешней экспансии, ло-

кализация зон этнической напряженности на территории Содружества.

Российская миротворческая политика ориентирована на создание свободных от каких-либо разграничительных линий региональных, а в идеале и международной системы безопасности, в отличие от американско- и НАТОцентричного «полицейского» механизма.

Создается впечатление, что западный подход к миротворчеству более отвечает картине распадающегося на национальные фрагменты мира. На самом деле, поощряя сепаратизм в бывшей Югославии, НАТО реализует установку на демонтаж остатков влияния России на Балканах. Если же сбудется «мечта» Э. Шеварднадзе и Г. Алиева о вводе войск НАТО в Закавказье, то мы, вероятно, увидим противоположную картину насильственного возврата Абхазии, а также укрепления Южной Осетии и Абхазии в составе унитарного грузинского государства, геноцида в Нагорном Карабахе.

На этом фоне миротворческие усилия России выглядят, пожалуй, даже не альтруистскими, а мазохистскими. Как еще можно назвать фактическое подталкивание Приднестровья к Кишиневу, Абхазии к Тбилиси? И там, и в других «горячих точках» Москва до недавнего времени пыталась вернуть локальные конфликты к положению, с которого они начинались³.

Однако и российский, и НАТОвский подходы, по видимому, не имеют исторических перспектив, прежде всего, повторимся, в силу объективных причин, порождающих конфликты миротворчества, и в лучшем случае придают им отложенный характер, загоняют вглубь, приводят к стагнации.

Более того, на практике конфликтующие стороны и сами миротворцы со временем почти всегда оказываются заинтересованными в затягивании конфликта в силу чисто материальных причин.

По мере уничтожения местной хозяйственной структуры у населения не остается никаких источников существования, кроме гуманитарной (нелепый американизм, даже в переводе это значит «гуманной») помощи, натурального хозяйства и войны. С течением времени на поле брани вырастает новое поколение, которое ничего не умеет и не хочет делать, кроме войны. (Палестина, Курдистан, Афганистан, Ангола, далее, возможно, Чечня, Абхазия, Сомали, Эфиопия, Карабах и т. д.)

Законсервированная нестабильность со временем перетекает на все новые территории, втягивает в свой оборот новые силы. Так было в Курдистане, Афганистане, Камбодже, Югославии, Чечне, Кара-

бахе, Центральной Африке, Палестине, Ливане, Абхазии. Все это и многое другое рано или поздно снова взорвется.

Для нас первоочередной интерес представляет конфликтный потенциал СНГ и собственно России. К сожалению, он весьма велик.

Сначала рассмотрим СНГ. Это — Западная и Восточная Украина, Крым, где к тому же вызревает и татарский сепаратизм, Приднестровье, Гагаузия, районы компактного расселения молдавских болгар. К счастью, кроме Приднестровья, западные районы Содружества пока можно считать более или менее благополучными.

В отличие от них, Кавказ перманентно находится в огне. Наиболее конфликтной остается Грузия. Кроваво точит Абхазия, не все спокойно в Южной Осетии, провокации Тбилиси грозят поджечь Аджарию. Нет сомнений, что центральные власти сделают все, чтобы дестабилизировать Джавахетию и выдвинуть оттуда российские войска.

На практике конфликтующие стороны и сами миротворцы со временем почти всегда оказываются заинтересованными в затягивании конфликта в силу чисто материальных причин.

Азербайджан, хотя и с потерями, вышел из опаснейшего столкновения с Арменией и Нагорным Карабахом. Это благо, которое молчаливо понимают в Баку. Мир позволяет Г. Алиеву раскручивать спираль каспийского нефтяного блефа. Однако заявление о готовности разместить в Азербайджане американскую военную базу показывает, что руководство этой страны начинает забывать о шаткости перемирия в Карабахе, достигнутого во многом при помощи России, а также о том, что на границе с Дагестаном резервирована не только лезгинская проблема.

Армения — стабильная моноэтническая страна. Избрание президента Р. Кочаряна свидетельствует о высоком мобилизационном потенциале, который сохраняет народ, готовый вновь поддержать своих братьев и в Карабахе, и, если случится, в грузинской Джавахетии.

На Востоке, в т. ч. на Кавказе, личность значит очень многое. Смычка таких прозападно сейчас настроенных, прекрасно знающих Россию и Кремль политиков, как Э. Шеварднадзе и Г. Алиев, — очень серьезный фактор.

В Центральной Азии своя специфика, определяемая, прежде всего, взаимодействием двух этносов: ирано-

таджикского и тюркского, а также двух суперэтносов: кочевого и земледельческого. Причем, первый и второй не совпадают по национальному признаку. Тюрки-кочевники: киргизы, казахи, туркмены — соседствуют с земледельцами: тюрками-узбеками и таджиками. Впрочем, последние также не однородны.

В Центральной Азии самый громкий конфликт — таджикский. Кажется, дело идет к компромиссу. Однако в Таджикистане и вокруг него сработали пока не все мины замедленного действия. Уже в паре десятков километров к востоку от Душанбе и вплоть до границы с Китаем простирается территория, полностью контролируемая оппозицией, да не только ею. Конкурирующие полевые командиры, база афганского дееателя А.Ш. Масуда в Гарме, неподвластный никому Горный Бадахшан, наркобароны, оседлавшие дороги и тропы, ведущие в Киргизию, — вот что такое эта зона. Клановая рознь между самими таджиками, узбекские анклав (Ленинабадская область и др.). Все это с юга подпирается афганскими талибами, уже имеющими политическое взаимодействие с некоторыми лидерами радикального крыла Объединенной таджикской оппозиции. Не хочется пророчить, но выборы нового состава парламента и президентская кампания 1999 года могут стать очень серьезной проверкой эффективности миротворческих усилий в Таджикистане.

Вместе с тем, основным потенциальным центром нестабильности в Центральной Азии является Узбекистан. Усугубляющееся демографическим взрывом аграрное перенаселение страны в сочетании с нехваткой водных ресурсов ставит перед нацией в полном смысле вопрос жизненного пространства. Многочисленные и влиятельные, ориентированные на Ташкент, анклавные этнические узбеков имеются не только в Таджикистане, но и в Туркмении, Казахстане, Киргизии. Династический брак между президентскими семьями двух последних стран во многом связан с этими опасениями. А. Акаев уже угрожал Узбекистану взрывом андижанской плотины и уничтожением Ферганской долины, когда узбекский спецназ проник на десятки километров вглубь киргизской территории. Неслучайно А. Акаев в связи с этим в своем окружении отмечал, что будет «рад, если к 2000 году населенная узбеками Ошская область еще останется в составе Киргизии». В самом Узбекистане скрытые и строго контролируемые сепаратистские настроения тлеют в Кара-Калпакии, Фергане, Намангане, Самарканде, Бухаре.

Туркмения и Киргизия достаточно стабильны⁴. Потенциальные проблемы есть в Казахстане. Это разрыв между севером и югом, разделенными степями и пустыней. На севере проживает и русскоязычное население, казахи. Однако протокол о делимитации российско-казахской границы показал казахстанским русским, что Москву устраивает их поло-

жение, а переизбрание Н. Назарбаева способно в обозримом будущем обеспечить стабильность и в разделенной на племенные объединения (жузы) казахской части общества.

Теперь о собственно России. Исключая Чечню, отсутствие активности Кремля в сфере национальной политики пока позволяет избегать серьезных проблем. Гораздо большую опасность для страны представляет сейчас сепаратизм регионов. Кое-где он может наложиться на национальную основу.

Помимо Северного Кавказа, о котором и так много говорится, серьезнейшая потенциальная угроза — Татарстан и прилегающие к нему национальные республики Поволжья, имеющие в т. ч. высокую долю мусульманского населения. Сохранение устоявшегося веками добрососедства между русскими и татарами, к которым, в конечном счете, относятся и многие кавказские народности, — важнейшая задача. Тем более что, по имеющимся оценкам, именно на эту точку нацеливается очередной удар мировой закулисы, стремящейся к расчленению России. Вообще, Россия и ислам — это отдельная проблема, которую пока пытаются решать в основном по линии «борьбы с мусульманским экстремизмом». Думается, для страны, где проживают до 20 млн. мусульман, это не тот подход.

Уникальность России проявилась и в том, что она рискует получить даже «буддистскую проблему». Если ситуация в Калмыкии связана в основном с яркой личностью ее президента, то беспорядки в Бурятии показали неординарный облик «российского буддизма». Самая серьезная обстановка складывается во всемирно забытой Туве, где уже пробрасываются идеи от полного суверенитета до перехода в состав Монголии.

Специфическим для России и СНГ обстоятельством стала растущая взаимосвязь политических событий и, конечно же, любых конфликтных ситуаций с интересами криминальных структур, которые ради передела собственности, где прямо, а где косвенно, подключились, а то и способствовали развязыванию практически всех локальных войн на пространстве бывшего СССР. Оргпреступность рвется во власть, и нельзя исключать, что со временем она сможет сформировать цели и принципы собственных «миротворческих разборок».

Пока как-то гарантированы от масштабных внутренних конфликтов, пожалуй, лишь предельно космополитичные (например, США) либо моноэтнические общества: Япония, собственно Армения.

Несмотря на пессимизм нарисованной картины, конфликтные ситуации все же должны иметь какие-то варианты разрешения.

И гражданские, и этнические войны (конфликты), как показывает практика, можно либо не допустить, либо своевременно локализовать. Для этого нужны жесткая политическая воля, дееспособная власть, необходимые военные и экономические ресурсы, благоприятная внешнеполитическая ситуация.⁵

Подтверждением этого стали акции по локализации конфликтогенных ситуаций, предшествующих крупным неприятностям и крови. К ним можно отнести подавление мятежа в г. Оше, беспорядков в Абхазии (еще при СССР), Баку и Сумгаите, мятежей в Курган-Тюбинской и Ленинабадской областях Таджикистана, Приднестровье; операции в Грекаде, на Кипре, отчасти в Ирландии и Басконии. В этом ряду могли бы оказаться решительно начатые, но «брошенные» акции в Тбилиси, Риге и Вильнюсе⁶.

Даже если начало конфликта упущено, миротворческая деятельность имеет определенные перспективы, если конфликт носит характер гражданской войны, как, например, в Йемене, Камбодже, Никарагуа, Таджикистане, ряде центральноафриканских стран.

Однако затянувшиеся войны, особенно отягченные межконфессиональной напряженностью, как правило, не имеют миротворческой перспективы. Ярчайшие примеры этому — Палестина и Афганистан, Абхазия и Карабах, Курдистан и Чечня. Это, кажется, начинают понимать и в ООН, отзывающейся своей миссией из Анголы.

Кстати, именно в Чечне сейчас, похоже, хотя и половинчато из-за нехватки сил и политической воли, опробуется новый, обещающий стать эффективным метод борьбы с сепаратизмом. Полная блокада способна убедить «самодостаточную» Ичкерия в экономической и геополитической абсурдности своей «независимости». Это вполне диалектический метод, способный стимулировать разрешение противоречий внутри самой конфликтной зоны без прямого внешнего воздействия и не приводящий миротворцев к особым издержкам.

Мы не будем говорить о специфике новых религиозных войн. Их расцвет еще впереди. Протестантско-католическая ожесточенность в Ирландии, мусульманский экстремизм в Алжире, духовное, в основном, сопротивление буддистов Тибета, государственная безжалостность иудаистов в Израиле — все это будет определять их характер.

Однако уже сейчас ясно, что доминировать в этом ряду будут «антикрестовые походы». Исламский ренессанс набухает экстремизмом. Мусульманский мир, за исключением коллаборационистских элит, локализованных нефтью Персидского залива, по

определению, как и Россия, обречен остаться за скобками «золотого миллиарда». Непонимание этого единства означало бы для нашей страны втягивание в абсолютно фатальный сценарий, объединяющий «джихад» с национальным сепаратизмом.

Пусть католический Запад сам решает «исламский вопрос». Перед православным миром стоит задача, прежде всего, самообустройства, немислимого без нормальных отношений с соседями, которых, к сожалению, сейчас приходится мирить между собой. Дело благородное. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими» (Ев. от Матфея, гл. 5).

ЭС

Примечания

- ¹ Среди работ и публикаций по конфликтологическим дисциплинам можно выделить, в первую очередь, ленинские «Тетради по империализму», ПСС, т. 28, работу К. Клаузевица «О войне», книги Г. Киссинджера и З. Бжезинского. Из российских авторов наиболее полно эта тема рассмотрена А.А. Котеневым в книге «Этническая конфликтология», М., Агава Интер, 1995. Представляет интерес работа А. Каренина «Философия политического насилия», М., 1971. Среди зарубежных исследований можно выделить: Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс, 1990; Perspectives on Political Ethics. An ecumenical enquiry. WCC publ. Geneva, 1983; Shilling N. Arms and Influence. Lond., 1966. Aron R. The Great Debate. Theories of Nuclear Strategy. N.-Y., 1965.
- ² Не впадая в схематичность, можно условно выделить два основных типа локальных конфликтов. Это либо гражданские, либо этнические войны, зачастую отягчаемые религиозными факторами.
- ³ Парадоксально, но в российском политическом бомонде широко ведутся разговоры о предоставлении независимости Чечне, а не о возврате в состав России Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Горного Бадахшана, лезгинских районов Азербайджана и др. Исключение делается только для Крыма и то, в контексте стратегически важных отношений с Киевом, достаточно неуклюже. Конечно, такая позиция отчасти диктуется желательностью сохранения СНГ. Не будем спорить о том, что нужнее для этого — твердость или то, что происходило до прихода в Белый дом Е.М. Примакова. Тем не менее, надо дать понять, что в случае, например, ввода в Грузию или Азербайджан войск НАТО или ликвидации российских военных баз наши пограничники, выводимые, например, из Грузии, будут закрепляться не на реке Псоу, а на реке Ингури.
- ⁴ В статье не рассматривается действие «китайского фактора» в регионе.
- ⁵ Читателям, которые только слышали либо теоретически рассуждали о войнах и конфликтах, некоторые последующие пассажи могут показаться людоедскими. Увы, автор этих строк не раз своими глазами видел, как нерешительность, боязнь ответственности, глупость и либерализм приводили к в десятки раз большим жертвам, чем своевременная жесткость и даже жестокость.
- ⁶ В статье не дается политическая оценка этих событий.